

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.23.43; 16.21.27

Код ВАК 5.9.6

Мария Александровна Гаевская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, gaevskaia.m.a@hse.ru,
SPIN-код: 5734-0942

Конфликтное поведение языковой личности в политическом дискурсе (на примере речи К. Стармера)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается конфликтное коммуникативное взаимодействие в политическом дискурсе. Тема работы посвящена специфике конфликтного поведения языковой личности в современных дебатах в британском парламенте на материале выступлений К. Стармера. Цель заключается в выявлении когнитивных сценариев речевого конфликта конкретной языковой личности, установлении факторов выбора прагматических стратегий, реализующих эти сценарии, и описании их лингвистического оформления. Методология исследования базируется на интегрированном когнитивно-дискурсивно-прагматическом подходе, сочетающем дискурсивный анализ, когнитивную теорию сценариев и концепцию стратегий вежливости/невежливости. Анализ проводится по четырехшаговому алгоритму на материале верифицированных транскриптов парламентских дебатов с участием Кира Стармера. В результате выделены три базовых сценария («Блицкриг», «Развивающийся конфликт», «Защита»), выбор которых детерминирован институциональным статусом говорящего, динамикой инициативы и ментальными установками говорящего. Лингвистическая актуализация сценариев обеспечивается конвергенцией эпистемической модальности, коннотативной лексики, риторических вопросов и дейксиса «свой — чужой». Область применения результатов охватывает политическую лингвистику и лингвистическую конфликтологию. Выводы исследования подтверждают, что конфликтное поведение языковой личности функционирует как динамичная рационально-агрессивная система, в которой когнитивный сценарий и прагматическая стратегия взаимно обуславливают выбор языковых средств, обеспечивая максимальную эффективность коммуникации в условиях регламентированного политического противостояния.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, политические деятели, парламентаризм, языковая личность, лингвоперсоналогия, речевой конфликт, агональность, парламентские дебаты, коммуникативные сценарии, конфликтное поведение, политические речи, речевая деятельность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Гаевская Мария Александровна, преподаватель, аспирант, Школа иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, email: gaevskaia.m.a@hse.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гаевская, М. А. Конфликтное поведение языковой личности в политическом дискурсе (на примере речи К. Стармера) / М. А. Гаевская. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 48-55.

Mariya A. Gaevskaya

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, gaevskaia.m.a@hse.ru, SPIN code: 5734-0942

Conflict Behavior of Linguistic Personality in Political Discourse (on the Material of Keir Starmer's Speeches)

ABSTRACT. The article explores conflict communicative interaction in political discourse. It focuses on the specific features of conflict behavior of a linguistic personality in contemporary British parliamentary debates, using Keir Starmer's speeches as empirical material. The aim of the study is to identify cognitive scenarios of speech conflict of a particular linguistic personality, to discover the factors governing the choice of pragmatic strategies realizing these scenarios, and to describe their linguistic expression. The research methodology is based on an integrative cognitive-discourse-pragmatic approach, combining the methods of discourse analysis, cognitive scenario theory, and the theory of polite/impolite interaction strategies. The analysis follows a four-step algorithm applied to verified parliamentary debate transcripts featuring Keir Starmer. The study results in identifying three core scenarios: "Blitzkrieg", "Escalating Conflict", and "Defense". Their selection is determined by the institutional status of the speaker, communicative initiative dynamics, and the speaker's attitude and mental predisposition. The linguistic actualization of these scenarios is achieved through the convergence of epistemic modality, connotative vocabulary units, rhetorical questions, and the "OWN — ALIEN" deixis. The findings of the research are applicable to political linguistics and linguistic conflictology. The conclusions confirm that conflict behavior of a linguistic personality functions as a dynamic rational-aggressive system in which cognitive scenarios and pragmatic strategies mutually determine the choice of linguistic means, thus ensuring maximum communicative effectiveness within the framework of regulated political confrontation.

KEYWORDS: political discourse, political texts, politicians, parliamentarism, linguistic personality, linguo-personology, speech conflict, agonality, parliamentary debates, communicative scenarios, conflict behavior, political speeches, speech.

AUTHOR'S INFORMATION: Gaevskaya Mariya Aleksandrovna, Senior Lecturer, Post-Graduate Student of the School of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Gaevskaya M. A. (2026). Conflict Behavior of Linguistic Personality in Political Discourse (on the Material of Keir Starmer's Speeches). In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 48-55. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

По прошествии четверти XXI века в науке продолжает главенствовать антропоцентрическая парадигма. Это означает, что науке, в частности лингвистике, до сих пор интересна роль человека в формировании и осмыслении реальности. С точки зрения теории, человек интересен как «точка отсчета» и центр, вокруг которого аккумулируется знание. В методологическом аспекте доминирование антропоцентризма знаменуется предпочтением меж-, поли- и трансдисциплинарных подходов к исследованиям, что манифестирует принцип холизма [Князева 2011: 193–195]. Холистический подход подразумевает целостный взгляд на проблему, что и достигается посредством интегрирования в лингвистические исследования теоретических знаний и методов анализа эмпирического материала из других дисциплин.

В данной работе в качестве объекта используется конфликтное коммуникативное взаимодействие, или конфликтная коммуникация, в политическом дискурсе. Политический дискурс остается актуальным источником эмпирического материала, так как регулярно пополняется свежими примерами. Более того, политический дискурс удобен в исследовании, потому что о его специфике известно довольно много.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Языковая личность в политике

Так как человек, как было сказано ранее, является точкой отсчета любого анализа, а неотъемлемую составляющую человеческой сущности составляет сознание, не удивительно, что с внедрением антропоцентрических нарративов в науку большое внимание стало уделяться когнитивному аспекту коммуникативных исследований. Современная лингвистика базируется на антропоцентрической парадигме, где человек является центральной категорией исследования [Кубрякова 2004; Болдырев 2018]. В последние десятилетия в научном дискурсе в обиход вошли такие термины, как когниция, познание, концепт, фрейм, сценарий, языковая личность, что подтверждает высказанный тезис [Демьянков 1994; Карасик 2002; Кубрякова 2004; Hart 2023]. Динамика публикаций по данной теме наглядно показывает, что когнитивное направление коммуникативных исследований продолжает активно развиваться.

Одним из ключевых понятий исследования является «языковая личность», которую мы вслед за Ю. Н. Карауловым определяем как «личность, реконструированную в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 2010: 38]. Языковая личность говорящего актуализируется в дискурсе через выбор конкретных языковых средств, что позволяет реконструировать ее в когнитивном аспекте. В политическом дискурсе языковая личность реализуется через свою институциональную роль, актуализируя индивидуально-авторские черты (идиостиль). Для нашего исследования важно понимание языковой личности не как статичного набора характеристик, а как динамической системы, выбирающей стратегии в зависимости от коммуникативной цели [Stepanova 2012: 171–173; Никитина 2023: 1]. Другими словами, в фокусе исследования оказывается мотивационный уровень языковой личности.

Специфика политического конфликта

В рамках исследования политический дискурс трактуется как «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников дискурса и формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [Баранов 2004: 7–8]. Он отличается иерархичностью, полемичностью, манипулятивностью и конфликтогенностью. Среди прочих основополагающих особенностей политического дискурса выделяют ритуальность, институциональность, явную и скрытую оценочность [Алёшина 2015: 27–28]. Указанные особенности источника материала определяют характер порождаемых высказываний.

Дебаты в парламенте являются регламентированным институциональным событием, где речевой конфликт рассматривается не как сбой коммуникации, а как стратегический ресурс борьбы за власть и влияния на электорат. Другими словами, речевая агрессия, характерная для конфликтного коммуникативного взаимодействия, признается нормой [Головина 2019: 206]. Действительно, среди прочих характеристик политического дискурса, таких как институциональность, эзотеричность, оценочность, редукционизм, политической коммуникации свойственен дуализм толерантности и агрессивности [Чудинов 2012: 59]. Это означает, что в период ожесточенной борьбы за власть или принятия особо судьбоносных решений степень конфликтогенности политического дискурса возрастает [Там же].

Когнитивный и прагматический аспекты конфликтной политической коммуникации

Для анализа конфликтных сценариев необходим когнитивный подход, позволяющий выявить устойчивые ментальные структуры, управляющие поведением говорящего [van Dijk 2010; Кубрякова 2012].

Когнитивный аспект исследования опирается на теорию сценариев, согласно которой повторяющиеся коммуникативные ситуации структурируют ментальные паттерны, предопределяющие выбор речевых действий [Schank 1977: 41]. Интеграция прагматического и когнитивного подходов, то есть стратегий и сценариев, позволяет объяснить, почему в определенных институциональных условиях говорящий актуализирует конкретные лингвистические средства.

Прагматический анализ, с одной стороны, базируется на теории речевых стратегий О. С. Иссерс [Иссерс 2008]. С другой стороны, исследование опирается на принцип вежливости П. Браун и С. Левинсон, а также концепцию невежливости Дж. Калпепера [Brown 1987; Culpeper 2010]. Такой подход позволяет установить и обосновать выбор определенных речевых стратегий в зависимости от контекста и институциональных правил политического дискурса.

Синтез теоретических обоснований исследования формирует целостное представление о политическом дискурсе как об особом поле взаимодействия между коммуникантами в силу своих имманентных характеристик и правил. Эти характеристики и правила задают определенный тон и характер коммуникативного взаимодействия, проявляющийся в реализации предсказуемых сценариев с использованием контекстуально и личностно обусловленных языковых средств.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическую базу исследования составили транскрипции (стенограммы) речевого взаимодействия Кира Стармера со своими политическими оппонентами в рамках парламентских дебатов, верифицированные по официальным архивам *Hansard*. Материал отобран методом целевой выборки с учетом вариативности институциональных и коммуникативных ролей объекта исследования и типа оппонента.

Методология исследования основана на интегрированном когнитивно-дискурсивно-прагматическом подходе, который сочетает критический анализ дискурса для определения контекста каждого конкретного речевого взаимодействия и его институциональных

рамков, когнитивный анализ, необходимый для реконструкции сценариев конфликтного взаимодействия, а также прагмалингвистический анализ, который демонстрирует, как сценарии актуализируются в языке.

Триангуляция обозначенных методов позволяет холистически проанализировать такой комплексный объект анализа, как фрагмент дискурса, диалог на нескольких уровнях, согласно четырехшаговому алгоритму. Этот алгоритм включает: 1) контекстуализацию (установление ролей и пресуппозиций); 2) когнитивно-мотивационный анализ (реконструкцию целей и ментальных установок говорящего); 3) анализ стратегий говорящего (выявление стратегии, которую выбрал говорящий, и тактик, использованных для ее реализации на каждом речевом ходе); 4) лингвистическое маркирование сценария (описание языковых средств, вербализующих коммуникативную интенцию говорящего по мере развития сценария). Таким образом, дедуктивным путем устанавливается связь между прагматическим и когнитивным уровнями коммуникативного взаимодействия.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Кир Стармер, лидер Лейбористской партии, на момент апреля 2026 года остается действующим премьер-министром Великобритании. Применение обоснованного в предыдущем разделе подхода к анализу эмпирического материала позволило реконструировать сценарии его конфликтного взаимодействия и выявить зависимость выбора речевых стратегий от институционального контекста и коммуникативных ролей.

В ходе исследования были выделены три устойчивых когнитивных сценария, реализуемых говорящим.

1. Сценарий «Блицкриг»: реализуется в условиях очевидного превосходства говорящего и характеризуется подавляющей инициативой с его стороны. Сам термин мотивирован сходством с одноименной военной тактикой, суть которой заключается в нанесении молниеносной серии ударов для быстрого подавления противника.

2. Сценарий «Развивающийся конфликт»: характерен для ситуаций относительно равного статуса коммуникантов, где степень агрессии говорящих и обострения конфликта нарастает с каждым новым его витком.

3. Сценарий «Защита»: активируется при вынужденной защите говорящего, характеризуется заикленностью речевых шагов, мотивированной поиском уязвимости противника.

Далее представлено детальное описание и анализ реализации обозначенных сце-

нариев.

Сценарий «Блицкриг»

Наглядным примером данного сценария является речевое взаимодействие Кира Стармера с Лиз Трасс на дебатах осенью 2022 года.

1. Контекстуализация. Представляя разные политические партии (К. Стармер от лейбористов и Л. Трасс от консерваторов), обозначенные политики вступают в речевое противостояние как идеологические противники. На момент случившегося конфликта Лиз Трасс являлась премьер-министром Великобритании, а Кир Стармер представлял оппозицию. Последний поднял вопрос о состоятельности Лиз Трасс как главного лица государства, обвиняя ее в некомпетентности. Публичный характер дебатов и принадлежность к идеологически враждебным лагерям предопределяют высокую степень конфликтности, где речевая агрессия выступает легитимным инструментом борьбы за власть.

2. Когнитивно-мотивационный анализ. Говорящие вступают в конфликтное взаимодействие с разными целями. Цель Кира Стармера заключается в дискредитации Лиз Трасс как некомпетентного лидера. Лиз Трасс, находясь в позиции «ответчика», наоборот стремится защититься и отстоять свои границы.

3. Анализ стратегии говорящего. Установив контекст взаимодействия, а также цель и мотив говорящего, приходим к выводу, что Кир Стармер использует типичную для сложившейся ситуации стратегию дискредитации, выбирая агрессивную форму речевого взаимодействия. Сценарий развивается по модели: упреждающий удар (ирония) → аргументация (фактология) → последний удар (риторический вопрос).

Речевое противостояние начинается с ироничной языковой игры: «*A book is being written about the Prime Minister's time in office. Apparently, it's going to be out by Christmas. Is that the release date or the title?*». Высказывание направлено на нарушение принципа вежливости и нанесение ущерба лицу оппонента прежде, чем оппонент сделает свой речевой ход.

Когда Л. Трасс также вступает в речевое противостояние, К. Стармер применяет тактику апелляции к фактам с использованием эпистемической модальности, которая на морфологическом уровне выражена в обильном использовании глаголов прошедшего времени в изъявительном наклонении: «*...last week the Prime Minister ignored...*», «*last week the Prime Minister stood there and promised absolutely no spending reductions...*

This week the chancellor announced a new wave of cuts». Эффект от использования эпистемической модальности усиливается благодаря использованию параллелизма и лексического повтора: «*...45p tax cut — gone, corporation tax cut — gone, 20p tax cut — gone, two-year energy freeze — gone, tax-free shopping — gone, economic credibility — gone. And her supposed best friend the former Chancellor... He's gone as well. They're all gone*». Таким образом, вся информация в аргументах К. Стармера подается и воспринимается как неоспоримые факты.

Завершается речевой конфликт К. Стармера с помощью риторического вопроса: «*So, why is she still here?*». Обозначенный речевой акт подрывает уверенность Лиз Трасс в речевом противостоянии, из-за чего ответа на претензию не следует.

4. Лингвистические маркирование сценария. Вербализация сценария осуществляется посредством конвергенции ряда языковых средств. На этапе инициации конфликта используются ирония и языковая игра. Для создания более весомой аргументации использованы параллелизм и лексический повтор. Наконец, переход на личностный уровень конфликта осуществляется посредством риторического вопроса, адресованного личности оппонента, а не проблеме.

При похожих обстоятельствах произошло столкновение Кира Стармера с Борисом Джонсоном в марте 2022 года. Почти идентичные условия предопределяют использование того же агрессивного наступательного сценария. Деталью, которая отличает данный сценарий от предыдущего, является использование высмеивания на этапе аргументации: «*Cut the nonsense and treat the British people with respect; Is that cutting taxes or raising taxes? I can only hope that this police questionnaire was a bit more convincing than that; "The tough decisions" ... give me a break*».

Достойной внимания деталью, которая также доказывает, что в обеих ситуациях используется один и тот же сценарий, является фраза, которая возникает как в первом, так и во втором споре: «*Why is she/he still here?*». Этот риторический провокационный вопрос используется на этапе последнего удара и призван подорвать авторитет оппонента.

Сценарий «Развивающийся конфликт»

В ситуациях, когда Кир Стармер находится в относительно равных позициях с оппонентом, сценарий блицкрига не используется. В подобных обстоятельствах доминирует сценарий развивающегося конфликта,

характер которого становится более агрессивным с каждым новым витком диалога (парой реплика-стимул/реплика-реакция). Примером реализации этого сценария являются дебаты Кира Стармера с Риши Сунаком в 2022 году.

1. Контекстуализация. Дебаты характеризуются относительным институциональным равенством коммуникантов: Риши Сунак на тот момент только что занял пост премьер-министра Великобритании, а Кир Стармер выступает как представитель оппозиции. Он критикует его первые решения в качестве премьер-министра (в частности, назначение на должность секретаря человека, допустившего утечку важных данных) и избранный им политический курс.

2. Когнитивно-мотивационный анализ. Мотив Кира Стармера заключается в демонстрации непоследовательной политики нового правительства. Когнитивная установка говорящего предполагает, что степень агрессии должна возрастать пропорционально попыткам оппонента уйти от ответа.

3. Анализ стратегии говорящего. Как и в предыдущем примере, Кир Стармер использует стратегию дискредитации. Она реализуется через экспозицию противоречий. Сценарий, по которому реализуется стратегия, имеет поступательно нарастающую динамику: постановка проблемы (выдвижение проблемного вопроса как предмета обсуждения на дебатах) → атака (чередa аргументов, наглядно демонстрирующая несовпадение слов и дел оппонента) → обвинения (переход с политики оппонента на его личность, обострение конфликта) → провокация (провокационный вопрос или тезис, который выводит оппонента из равновесия и наносит его лицу сильный урон).

В отличие от сценария «блицкрига», здесь наблюдается постепенное снятие ограничений вежливости. Изначальное приветствие «*And may I welcome the Prime Minister...*» резко контрастирует с последующим вопросом «*Was his Home Secretary right to resign last week for a breach of security?*», который и является постановкой проблемы.

По мере развития диалога К. Стармер переходит от критики политики с использованием эпистемической модальности «*Yesterday the Prime Minister stood on the steps of Downing Street and promised integrity, professionalism, and accountability but then with his first act he appointed...*» к атаке на личные качества, используя лексику с негативной коннотацией «*...he's so weak, he's done a grubby deal...*». Завершающий этап сценария включает использование прецедентного феномена «*That's why the only time he ran in*

a competitive election he got trounced by the former prime minister who herself got beaten by a lettuce», что служит созданию комического эффекта и снижению статуса оппонента в глазах электората. В контексте речевого противостояния эта реплика является провокацией, в ответ на которую Р. Сунак предпочитает промолчать.

4. Лингвистическое маркирование сценария. В силу реализации аналогичной стратегии, даже если она основана на другом сценарии, выбор языковых средств схож. Наиболее часто говорящий использует эпистемическую модальность для апелляции к фактам. По мере развития конфликта эмоциональное противостояние обостряется, что проявляется в использовании коннотативной лексики. Это приводит к гиперболизации и обобщению, совмещенному с противопоставлением: «*...as always with them: party first, country second*». Таким образом, позиции сторон еще сильнее поляризуются, что позволяет отделить союзников от противников. Провокация, реализованная за счет использования прецедентного феномена, завершает противостояние К. Стармера и Р. Сунака победой первого.

Сценарий «Защита»

Отдельного внимания заслуживают ситуации, в которых говорящий вынужден защищаться, а не нападать. Причиной возникновения таких обстоятельств может быть инициатива соперника, когда тактика быстрого нападения впервые используется оппонентом, или провокационный вопрос, на который Кир Стармер вынужден ответить.

Подобная ситуация произошла в дебатах с Кеми Баденк в октябре 2025 года, когда последняя задала Киру Стармеру неудобные вопросы о внутриполитическом курсе, который он выбрал.

1. Контекстуализация. Кир Стармер является премьер-министром Великобритании, а его оппонент представляет оппозицию. В данной ситуации инициативу берет Кеми Баденк, из-за чего К. Стармер вынужден занять обороняющуюся позицию.

2. Когнитивно-мотивационный анализ. Сценарий защиты имеет двойную направленность. Первичная цель говорящего состоит в защите своего лица путем оправдания в ответ на обвинения оппонента, вторичная цель направлена на перехват инициативы. Другими словами, когнитивный сценарий строится на обнаружении «уязвимого места» в аргументации оппонента для перехода в контратаку.

3. Анализ стратегии говорящего. В силу утраченной инициативы Киру Стармеру приходится реализовывать стратегию защи-

ты. Сценарий защиты, лежащий в основе реализуемой стратегии, разворачивается по модели: оправдание ↔ обвинение → последний удар. В силу комплексной цели говорящего, защитный сценарий имеет более сложную, циклическую структуру. Пытаясь найти уязвимость своего оппонента, говорящий переходит от оправдания к обвинению, развивая конфликт и ожидая возможности перейти в нападение.

В начале конфликта К. Стармер в ответ на обвинение в неудачной политике прибегает к тактике дистанцирования, что проявляется в использовании страдательного залога и эксплицитном указании на предыдущее правительство: «*The substantive evidence was provided <...> by the previous government. The substantive evidence was written and submitted <...> under the last government*». В данной реплике повтор способствует закреплению тезиса. По мере нарастания давления со стороны обвинения говорящий использует более агрессивные тактики речевого взаимодействия, вплоть до перехода на личности: «*She's clearly not a lawyer or a leader*»; «*This is a red herring, a completely scurrilous allegation made by the leader of the opposition*». Использование коннотативной лексики, слов-усилителей, прямая референция к личности оппонента, а также номинативное отрицание ее политических ролей свидетельствуют о переходе к агрессивному речевому взаимодействию, которое, тем не менее, на этапе оправдания смягчается: «*I will double check...*». Речевое противостояние завершается противопоставлением деятельности текущего правительства и бездействия предыдущего, что разрывает цикл конфликта в пользу говорящего: «*Had they done it more quickly, this case would have proceeded. It was their failure, and they're just slinging up. Meanwhile, we're getting on with renewing our country, new planning reforms, including online hospitals for waiting lists, new opportunities for young people. Labour's building a better future. They can't even come to terms with their past*». В данном случае актуализируется дейксис «свой — чужой», причем аспекты дейксиса сопровождаются лексическими единицами с определенным семантическим полем. Когда речь идет о партии говорящего, используются лексемы *renewing*, *new*, *better future*, однако в случае с оппозицией используются лексемы *failure*, *slinging up*, *past*. Реплика носит провокационный характер и сигнализирует, что конфликт зашел в тупик и не имеет какого-либо мирного разрешения.

4. Лингвистические маркирование сце-

нария. В силу комплексности сценария, на языковом уровне он конструируется разнообразными языковыми средствами. Так, для акцентирования внимания на ответственности предшественников и закрепления позиции, которую говорящий собирается отстаивать, используется лексический повтор и параллелизм. В актах оправдания присутствует страдательный залог для отделения личности говорящего от претензии, которую ему вменяют. Речь Кира Стармера более эмоциональна за счет использования коннотативной лексики: *red herring*, *scurrilous allegation*. Кроме того, в речи говорящего активно актуализируется дейксис «свой — чужой» как за счет обильного использования личных местоимений *we*, *they*, так и семантически противоположной лексики, группированной по полярностям дейксиса: *failure* / *renewing*, *past* / *future*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтвердило, что конфликтное поведение языковой личности в современном британском политическом дискурсе представляет собой динамичную когнитивно-прагматическую систему, формируемую под влиянием институционального контекста, коммуникативных ролей и индивидуально-авторских ментальных установок. На материале парламентских дебатов К. Стармера реконструированы три устойчивых когнитивных сценария речевого конфликта: «Блицкриг», «Развивающийся конфликт» и «Защита».

Установлена прямая корреляция между типом сценария и выбираемой прагматической стратегией. Сценарий «Блицкриг» реализуется через стратегию мгновенной дискредитации и подавления инициативы оппонента. В рамках сценария «Развивающийся конфликт» происходит постепенная эскалация с последовательным снятием ограничений вежливости и переходом на личностный уровень конфликта. Сценарий «Защита», в свою очередь, имеет циклическую структуру, где чередуются тактики оправдания и поиска уязвимостей для последующей контратаки. Важнейшим фактором, детерминирующим выбор сценарно-стратегической модели, выступает институциональный статус коммуниканта. Находясь в позиции атакующего, К. Стармер демонстрирует интенсивную, опережающую агрессию, тогда как в роли обороняющейся стороны он прибегает к конфронтационным техникам лишь после этапа защиты, соблюдая принцип вежливости. Выявлена также когнитивная закономерность: чем менее устойчива позиция говорящего в конфликте, тем более разверну-

тую ментальную цепь он выстраивает для перехвата инициативы и легитимации своей позиции.

Лингвистическая актуализация конфликтных интенций осуществляется посредством конвергенции разноуровневых языковых средств. Эпистемическая модальность, выраженная глаголами прошедшего времени в изъявительном наклонении, синтаксический параллелизм и лексический повтор служат для придания аргументации статуса неоспоримых фактов, в то время как использование иронии, риторических вопросов, коннотативной лексики и упоминания прецедентных феноменов являются проявлением не логоса, а пафоса. Таким образом, как на оппонента, так и на аудиторию оказывается эмоциональное воздействие в обход рационального начала. Особую роль в конфликтном взаимодействии играет дейксис «свой — чужой», поляризующий дискурс и закрепляющий групповую идентичность через семантически противоположные лексические единицы.

Таким образом, результаты исследования доказывают положение о том, что речевое поведение политика в ситуации конфронтации функционирует как рационально-агрессивная система, где выбор вербальных средств обусловлен определенным сценарием, который реализуется конкретной стратегией. Данное сочетание обеспечивает максимальную эффективность коммуникативного воздействия в условиях институционально регламентированного политического конфликта. Перспективы исследования связаны с расширением эмпирической базы и переходом от анализа идиолекта конкретного политика к выявлению универсальных когнитивных механизмов речевой конфликтологии в различных национально-культурных и институциональных традициях политического дискурса.

ИСТОЧНИКИ

1. Keir Starmer's best ever PMQs performance? // PoliticsJOE. — 2022. — URL: https://youtu.be/fvJu4Ai2iao?si=jETSZTqc342Q_BLa (date of access: 17.03.2026).
2. HIGHLIGHTS: Keir Starmer and Kemi Badenoch in furious clash over China spy scandal at PMQs // PoliticsJOE. — 2025. — URL: <https://youtu.be/7NIgYmNRfAE?si=Crqo6pNEeGcAMg74> (date of access: 10.04.2026).
3. 'Why is she still here?': Liz Truss and Keir Starmer's fiery exchange an PMQs // Guardian News. — 2022. — URL: <https://youtu.be/iYe6gxXFQNs?si=op7-ecZ3St8R8Ant> (date of access: 10.04.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алёшина, Е. Ю. Публичный политический дискурс конфликтной ситуации / Е. Ю. Алёшина. — Москва : Прометей, 2015. — 220 с. — ISBN 978-5-9907453-5-3. — EDN YSFWJL.
2. Баранов, А. Н. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафоры / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Г. А. Сатаров, Е. А. Шипова. — Москва : ИНДЕМ, 2004. — 94 с. — ISBN 5-902204-09-7.
3. Болдырев, Н. Н. Антропоцентризм пространства и вре-

мени как форм языкового сознания / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. — 2018. — №32. — С. 26–35. — EDN XOTAGD.

4. Головина, Н. М. Парламентские «непарламентские выражения»: речевая агрессия как риторическая стратегия в парламентском дискурсе / Н. М. Головина // Вопросы психолингвистики. — 2019. — №3-41. — С. 200–215. — EDN IRBZPN.

5. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. — 1994. — №4. — С. 17–33. — EDN SCKGRB.

6. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с. — ISBN 978-5-382-00698-7. — EDN UFGTFJ.

7. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2. — EDN UGQAMP.

8. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Издательство ЛКИ, 2010. — 264 с. — EDN RTDQLX.

9. Князева, Е. Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований / Е. Н. Князева // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2011. — №10-112. — С. 193–201. — EDN OJQDNT.

10. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. — Москва : Знак, 2012. — 208 с. — ISBN 978-5-9551-0461-4. — EDN RFRKHN.

11. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с. — ISBN 5-94457-174-8. — EDN SUQHPI.

12. Никитина, А. Ю. Коммуникативные стратегии языковой личности Екатерины Второй / А. Ю. Никитина, О. А. Петрова, А. Г. Абрамова // Russian Linguistic Bulletin. — 2023. — №4-40. — С. 1–5. — DOI 10.18454/RULB.2023.40.6. — EDN DYDFRY.

13. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2. — С. 53–59. — EDN PCAVQP.

14. Brown, P. Politeness: some universals in language usage / P. Brown, S. C. Levinson. — New York : Cambridge University Press, 1987. — 345 p. — ISBN 9780521313551.

15. Culpeper, J. Conventionalised impoliteness formulae / J. Culpeper // Journal of Pragmatics. — 2010. — №42. — P. 3232–3245. — DOI 10.1016/j.pragma.2010.05.007.

16. Dijk, T. Van. Discourse and context: a sociocognitive approach / T. Van Dijk. — New York : Cambridge University Press, 2010. — 284 p. — ISBN 9780521130301.

17. Hart, Ch. Frames, framing and framing effects in cognitive CDA / Christopher Hart // Discourse Studies. — 2023. — Vol. 25. — № 2. — P. 247–258. — DOI 10.1177/14614456231155071. — EDN UWDNGO.

18. Schank, R. C. Scripts, plans, goals and understanding: an inquiry into human knowledge structures / R. C. Schank, R. P. Abelson. — New York : Psychology Press, 1977. — 248 p. — ISBN 9780470990339.

19. Stepanova, Yu. V. Linguistic personality and the aspects of its analysis / Yu. V. Stepanova // Tyumen State University Herald. — 2012. — P. 170–176. — EDN QBARVJ.

MATERIALS

1. PoliticsJOE (2022). Keir Starmer's best ever PMQs performance? Available at March 17, 2026 from https://youtu.be/fvJu4Ai2iao?si=jETSZTqc342Q_BLa.
2. PoliticsJOE (2025). HIGHLIGHTS: Keir Starmer and Kemi Badenoch in furious clash over China spy scandal at PMQs. Available at Apr. 10, 2026 from <https://youtu.be/7NIgYmNRfAE?si=Crqo6pNEeGcAMg74>.
3. Guardian News (2022). 'Why is she still here?': Liz Truss and Keir Starmer's fiery exchange an PMQs. Available at Apr. 10, 2026 from <https://youtu.be/iYe6gxXFQNs?si=op7-ecZ3St8R8Ant>.

REFERENCES

1. Alyoshina, Ye. Yu. (2015). Publichniy politicheskiy diskurs konfliktnoy situatsii = Public political discourse of a conflict

situation. Moscow: Prometei, 220 p.

2. Baranov, A. N., Mikhaylova O. V., Satarov G. A., Shipova E. A. (2004). Politicheskii diskurs: metody analiza tematicheskoy struktury i metaforiki = Political discourse: theme structure and metaphoric system analysis methods. Moscow: INDEM, 94 p.

3. Boldyrev, N. N. (2018). Antropotsentrizm prostranstva i vremeni kak form yazikovogo soznaniya = Anthropocentricity of space and time as forms of linguistic construal of the world. *Cognitive studies of language*, 32, 26–35.

4. Golovina, N. M. (2019). Parlamentskiye “neparlamentskiye virazheniya”: rechevaya agressiya kak ritoricheskaya strategiya v parlamentskom diskurse = Parliamentary “nonparliamentary language”: verbal aggressiveness as a rhetoric strategy in the parliamentary discourse. *Journal of Psycholinguistics*, 3(41), 200–215.

5. Demyankov, V. Z. (1994). Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podkhoda = Cognitive linguistics as a variety of an interpreting subcode. *Topics in the Study of Language*, 4, 17–33.

6. Issers, O. S. (2008). Kommunikativnie strategii i taktiki russkoy rechi = Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moscow: Izdatelstvo LKI, 288 p.

7. Karasik, V. I. (2002). Yazikovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs = Linguistics circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena, 477 p.

8. Karaulov, Yu. N. (2010). Russkiy yazyk i yazikovaya lichnost' = Russian language and linguistic personality. Moscow: Izdatelstvo LKI, 264 p.

9. Knyazeva, Ye. N. (2011). Transdistsiplinarnye strategii issledovaniy = Transdisciplinary research strategies. *Tomsk State*

Pedagogical University Bulletin, 10(112), 193–201.

10. Kubryakova, Ye. S. (2012). V poiskakh sushchnosti yazika: kognitivnie issledovaniya = Pursuing the essence of language: cognitive studies. Moscow: Znack, 208 p.

11. Kubryakova, Ye. S. (2004). Yazik i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazike: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya = Language and knowledge: Getting knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. Moscow: Yaziki slavyanskoy kultury, 560 p.

12. Nikitina, A. Yu., Petrova, O. A., Abramova, A. G. (2023). Kommunikativnye strategii yazikovoi lichnosti Yekateriny vtoroy = The communicative strategies of the linguistic personality of catherine the great. *Russian Linguistic Bulletin*, 4(40), 1–5.

13. Chudinov, A. P. (2012). Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii = Discursive characteristics of political communication *Political Linguistics*, 2, 53–59.

14. Brown, P., Levinson, S. C. (1987). Politeness: some universals in language usage. New York: Cambridge University Press, 345 p.

15. Culpeper, J. (2010). Conventionalised impoliteness formulae. *Journal of Pragmatics*, 42, 3232–3245.

16. Dijk, T. Van (2010). Discourse and context: a sociocognitive approach. New York: Cambridge University Press, 284 p.

17. Hart, Ch. (2023). Frames, framing and framing effects in cognitive CDA. *Discourse Studies*, 25(2), 247–258.

18. Schank, R. C., Abelson, R. P. (1977). Scripts, plans, goals and understanding: an inquiry into human knowledge structures. New York: Psychology Press, 248 p.

19. Stepanova, Yu. V. (2012). Linguistic personality and the aspects of its analysis. *Tyumen State University Herald*, 170–176.